

Мертвые не болтают.

*Немецкая
поговорка*

Пролог

Она перекрывает воду и мгновение стоит с закрытыми глазами. Чувствует, как капли сбегают по телу и влага холодит кожу.

Полотенце висит на штанге у стеклянной перегородки. Она оборачивает его вокруг себя, заправляет свободный конец и выходит из душевой кабины.

Большое зеркало над раковиной запотело, и лицо отражается лишь бесформенным темным пятном. Она подносит руку и указательным пальцем выводит на поверхности контур лица, добавляет две точки глаз и изогнутую линию улыбки, затем рисует рядом два слитых воедино сердечка. Сознает вдруг, что ведет себя как влюбленный подросток, и усмехается.

— Как ребенок, — говорит она своему размытому отражению, но взгляд вновь скользит по блекнувшим сердечкам, и на душе становится тепло.

Флориан. Они знакомы всего несколько недель, и вместе с тем он как будто превратил ее размеренную жизнь в красочный карнавал.

Все с той же улыбкой она берет с полки еще одно полотенце, наклоняется и оборачивает длинные светлые волосы, после чего скручивает его наподобие тюрбана.

*Бросает взгляд на часы, лежащие на тумбочке.
Уже десятый час.*

Конец напряженного дня.

Фотосъемка. Презентация ювелирного магазина, рутинная работа. Во всяком случае, так она думала, когда выезжала поздно утром. Разве могла она предположить, что клиент окажется невыносимым педантом и притом холериком.

До семи часов она снова и снова фотографировала одни и те же украшения, и всякий раз владелец, Вернер Дидлер — или Вольфганг? — находил, к чему бы придраться, будь то фокус камеры или свет. При этом она уже который раз задавалась вопросом, почему терпит все это, вместо того чтобы жить на состояние, оставленное отцом, и ни о чем не думать. И, как и прежде, сама ответила на свой вопрос. Поскольку чувствует, что делает нечто полезное, и это чувство дарит ей вдохновение.

Она отворачивается и выходит из ванной. Самое время для бокала вина.

— Элла, включи плей-лист для отдыха, — проносит она, когда проходит рядом с комодом, на котором стоит умная колонка.

Проходит на кухню, берет штопор из ящичка и откупоривает бутылку, которую поставила на стол, еще когда вернулась домой. Одновременно раздумывает, стоит ли звонить Флориану. Он уехал на несколько дней в Рим по работе и, вероятно, сидит сейчас с деловыми партнерами в хорошем ресторане. Так жаль, что поездка выпала на ее день рождения... Больше всего на свете ей хотелось провести этот вечер с ним.

Она смотрит на телефон, подключенный к док-станции на столе, но ее мучают сомнения. Не сочтет ли он ее слишком настойчивой или даже назойливой, если она позвонит? С другой стороны... не в том ли свидетельство любви, что ей не терпится услышать его голос?

Она берет бокал, поднимает против света лампы и рассматривает восхитительный багрянец вина. Затем закрывает глаза, с наслаждением вдыхает превосходный букет вишни, ежевики и табачных листьев. Делает первый глоток и ставит бокал.

— С днем рождения, Катрин.

Взгляд снова падает на телефон. Она так надеялась, что Флориан позвонит в течение дня и поздравит ее... Впрочем, у него, возможно, был очень напряженный день, и он не сумел улучшить даже минутку.

— Что уж, в самом деле! — подбадривает она себя и берет телефон.

В то время как пальцы бегают по кнопкам, она задумывается, почему до сих пор не сохранила номер Флориана. Затем в напряженном ожидании прикладывает телефон к уху.

Но вместо ожидаемых гудков слышит голос, который сначала по-немецки, а затем по-английски сообщает, что набранного номера не существует. Катрин опускает трубку и озадаченно смотрит на маленький дисплей и ряд цифр. Нет, все верно.

— Странно, — произносит она и предпринимает вторую попытку, но слышит то же самое сообщение.

Она кладет телефон на столешницу, проходит в спальню и снимает смартфон с зарядки. На обратном пути на кухню вновь пробует набрать номер. С тем же результатом. Набранныго номера не существует.

— Дьявол, — цедит Катрин и небрежно бросает смартфон на стол рядом с телефоном. Замечательный день рождения.

Она снова берет бокал и прислоняется к холодильнику. Как могло случиться, что номер Флориана, по которому она звонила за прошедшие недели десятки раз, перестал вдруг существовать? Если б он сменил номер, она узнала бы об этом. Ведь узнала бы?

Он программист в телекоммуникационной компании. Она не знает, чем именно Флориан там занимается, но ему, конечно, не составило бы труда сменить номер.

Катрин делает большой глоток из бокала и отталкивается от двери холодильника.

— Глупости! — произносит она громко и направляется в гостиную.

Все прояснится. Возможно, все потому, что Флориан в Риме, и по какой-то причине невозможно установить связь. Или он потерял телефон и заблокировал сим-карту. А может, телефон и вовсе украли. Говорят, в Риме полно карманников.

Она садится на диван и только теперь замечает, что не слышит музыки. Сегодня хоть что-нибудь будет работать нормально?

— Элла?

Катрин в напряженном ожидании. Сейчас ей должен ответить женский голос умной колонки, спросить о ее пожеланиях. Но устройство молчит.

— Элла! — повторяет она громче, но и в этот раз напрасно ждет реакции.

— Элла, сколько времени?

Не дождавшись ответа и на этот стандартный вопрос, она ставит бокал на журнальный столик, поднимается и подходит к комоду.

Колонка включена, о чем свидетельствует синий светодиод с правой стороны. Что ж, еще одна попытка.

— Элла! Сколько времени?

Как и прежде, устройство хранит молчание. Катрин пожимает плечами и возвращается на диван. Дивный новый мир технологий. Если колонка и завтра не заработает, можно будет вернуть ее в магазин. Все-таки она купила ее всего пару недель назад.

Она включает телевизор и переключает каналы, находит какой-то романтический фильм. Он уже идет какое-то время, но и это вполне подойдет, чтобы немного отвлечься, прежде чем отправиться спать.

В половине одиннадцатого она выключает телевизор, идет в ванную. Через десять минут кладет смартфон на тумбочку, закутывается в одеяло и выключает лампу. И вскоре засыпает с мыслью о Флориане.

Пробуждается — и не понимает, что именно разбудило ее. Еще глубокая ночь. В комнате почти непроницаемо темно. В верхней части окна сквозь

крайние планки неплотно сдвинутых жалюзи просвечивает луна, и эта полоска света служит ориентиром для глаз.

Она хочет перевернуться и спать дальше, но у нее вдруг перехватывает дыхание. Ее имя... Кажется, кто-то произнес ее имя? Нет, не произнес — прошептал. Кто-то за пределами спальни.

Она приподнимается в постели и напряженно вслушивается во тьму. Сердце начинает биться чаще.

— Катрин...

Вот, снова. Чуждый, вкрадчивый голос.

— К-а-а-а-тр-и-и-н...

По спине пробегает холод, на лбу мелкими капельками выступает пот.

Нет, это не сон. В квартире кто-то есть, и осознание этого внушает ей такой ужас, какого она прежде не испытывала.

Затем ее посещает внезапная догадка, и это кажется единственно логичным объяснением и успокаивает.

Флориан. Он знает, где спрятан запасной ключ. Она сказала ему на случай, если он решит вдруг заглянуть без предупреждения. А случай, как никогда, подходящий. Он вовсе не в Риме — это лишь предлог, чтобы таким необычным образом поздравить ее с днем рождения. На него это так похоже... И ничего другого на ум не приходит.

Вряд ли кто-то стал бы посреди ночи бесшумно проникать к ней в квартиру, чтобы затем стоять и тихо звать ее по имени. Такое возможно разве что в дешевом фильме ужасов.

Поэтому Флориан и не звонил, и его номер был недоступен. Вероятно, он стоит сейчас в гостиной с громадным букетом в руках и ухмыляется.

— Флориан?

Катрин осознает, что произносит имя шепотом, и зовет его громче. Снова напряженно прислушивается. Ничего. Наверняка он с трудом сдерживает смех, дожидаясь ее.

Она скидывает одеяло и ступает на пол. Выходит из спальни. Хоть объяснение кажется вполне убедительным, она содрогается, словно потянуло холодом.

Оказавшись в гостиной, включает лампу возле двери и озирается в ожидании, но... в гостиной никого.

— Флориан? — зовет Катрин снова, с прежней робостью. — Я же знаю, что это ты. Всё, выходи уже, покажись. Хватит меня пугать.

Тишина в комнате кажется ей противоестественной. Осязаемой, как если бы кто-то заложил ей уши ватой. У нее снова учащается пульс, возрастает до грохота, который перекрывает гнетущую тишину, но положение от этого не лучше.

Кажется, что-то щелкнуло? Что-то шевельнулось рядом? Нет. Или все-таки шевельнулось?

— Катрин!

Она издает пронзительный визг и невольно отступает на шаг. Женский голос шепчет ее имя, и в этом шепоте слышится... безумие.

— Ты хотела знать, который час.

Она чувствует, как поднимаются волоски на предплечьях. Элла! Ее взгляд падает на умную колонку. Это форменное безумие...

— Да, — отвечает она тихо и сама удивляется тому, как тонко звучит ее голос.

— Это час твоей смерти, Катрин.

У нее перехватывает дыхание, комната начинает вращаться. Катрин хватается за дверной косяк.

— Что? — шепчет она едва слышно.

— Ты умрешь, — в нелепой манере шепчет голос Эллы. — Он придет за тобой.

Сердце колотится о ребра, ей трудно дышать. Грудь словно стягивает петлей, все крепче и крепче.

— Кто... вы?

— Ты знаешь меня, Катрин.

Шепот перешел в странный шелест. Хуже того, теперь это не голос Эллы. Теперь это мужской голос, и Катрин действительно узнает его. Но...

— Ты умрешь. Скоро... скоро я приду за тобой.

Она чувствует, как в ней что-то происходит. Словно некий переключатель изменяет положение без ее участия. Катрин отталкивается от дверного косяка, делает несколько быстрых шагов к комоду, трясущейся рукой хватается за кабель, по которому Элла подключена к сети, и рывком выдергивает штекер из розетки. Затем поднимает колонку и что есть сил бросает об пол, так что устройство разлетается на части, словно начиненное взрывчаткой.

Она стоит и смотрит на разбитую колонку, торчащие из нее детали, повисшие на проводах.

*«Как внутренности из распоротого живота», —
приходит ей в голову.*

— Элла?

Она ждет, пять секунд... десять. Ничего.

Не спуская глаз с разбитого устройства, внезапно обретшего враждебную ауру, Катрин делает шаг назад, затем еще один, и еще. Наконец разворачивается и на подгибающихся ногах бежит в спальню, где оставила смартфон.

Необходимо вызвать полицию.

Телефон лежит возле лампы на тумбочке. Вид глянцево-черного дисплея успокаивает. Ее спасительный круг в этом кошмаре. Едва она протягивает к нему дрожащую руку, экран вдруг вспыхивает, и из крошечного динамика в нижней части шепчет мужской голос:

— Это не поможет. Ты умрешь. Я приду за тобой. Скоро.